

С Иваном Федоровичем Панькиным, известным тульским литератором, я вместе состо-
ял в тульском отделении Союза писателей. Для меня, тогда еще молодого прозаика, он
представлялся могучим корифеем русской литературы.

И это было, действительно, так. И. Ф. Панькин родился в далеком 1921 году. Воевал —
стал инвалидом Великой Отечественной войны. Работал юнгой, в цирке, служил матросом.
Награжден орденами Отечественной войны первой степени, Красной звезды, боевыми ме-
далями. Но главной его страстью было — писать. Однако широко известен он стал позже,
когда вышла его книга под названием «Легенда о мастере Тычке». Тычка — это своеоб-

разный прообраз тульского Левши.

Самые яркие впечатления об этом талантливом литераторе, тульском самородке, у меня сложились непо-
средственно от встреч с ним в писательской среде. Помню, как-то зашел он ко мне в Дом творчества на ули-
це Каминского, где находилась Тульская писательская организация. Мы выпили чая, а потом он долго рас-
сказывал, как работал над образом своего Тычки.

— В Туле я садился в трамвай и ездил по всему городу, не выходя из него. В это время я внимательно
прислушивался к разговорам людей, особенно когда туляки возвращались из знаменитых оружейного, ма-
шиностроительного, патронного и других оборонных заводов. Вот тогда я и слышал в разговорах такие мет-
кие словечки и фразы, которые характерны для трудового люда. Там, в трамвае, я, кстати, и услышал это
словосочетание — мастер Тычка.

Сразу скажу: Панькин — это единичное, знаковое явление в нашей среде. Сочетание природного таланта,
сиротского детства, в котором им был накоплен огромный жизненный опыт, и национальные этнические
черты мордвина дали тот великолепный сплав, из которого рождались произведения этого самородка.

Впрочем, когда говорили, что Панькин — мордвин, он возражал. «Я — эрзя, — детализировал он разно-
видность своей национальности. — Это особый народ: крепкий, талантливый, самобытный».

Так в его жизни все и выходило. Эрзя Иван Федорович Панькин стал развивать редкостный, особый ска-
зовый жанр. В результате появились сказки и легенды Таласской долины («Серебряный голос»), «Легенды о
матерях», матросские легенды и сказы («След на море») и другие.

Но главным достижением этого писателя я считаю создание легенд и сказов о тульских мастерах. Герой
его «Легенды о мастере Тычке», наряду с лесковским Левшой, стал литературным героем Тулы.

К своей творческой работе прозаик подходил тщательно, профессионально и ответственно. Он писал
трудно и медленно, словно постоянно выпадая из временного потока. Третью жизнь отдал И. Ф. Панькин «Ле-

гудам о мастере Тычке» — книге сравнительно небольшого объема, какие у иного литератора выпекаются тушь ли не ежегодно. Конвейерный способ писания не был его способом литературного творчества. И до последних дней писатель не оставлял творчество. Его роман «Свеча на ветру» вобрал в себя повесть «Начало одной жизни», но значительно расширил ее и обогатил литературно. Он продолжал цикл «Легенд о матерях», создавал «Легенды о русском солдате».

И Тула, ставшая для автора родной, как могла, поддерживала своего творческого гения. Он был награжден званием Почетного гражданина города-героя Тулы, его «Легенды о матерях» были включены в список рекомендуемой литературы для внеклассного чтения, а после смерти писателя, на доме в Туле, где он жил, появилась мемориальная доска.

Надо отметить, что еще при жизни Иван Федорович Панькин был замечен нашими самыми известными писателями. Например, Виктор Астафьев в своем «Зрячем посохе» поставил автора «Тычки» рядом с самим автором «Левши». О творчестве Ивана Панькина высоко отзывались такие признанные авторитеты, как Евгений Носов, Борис Можаяев и другие.

У И. Ф. Панькина вышло двадцать пять книг. Как известно, по-настоящему творчество писателя может быть оценено только после его смерти. Ведь у нас «лицом к лицу — лица не увидать». И этот тульский прозаик достойно вошел в когорту талантливых писателей. После его смерти, например, ко мне неоднократно обращались московские и другие издатели, чтобы помочь найти правообладателей книг этого автора.

Да и память о себе он оставил добрую и долгую. Например, сорок лет работала в Тульской писательской организации секретарем и бухгалтером Надежда Васильевна Коропова. Много десятков писателей прошло рядом с ней за эти годы. Но она до сих пор выделяет именно Панькина. Он был строг, говорил правду, критиковал, но всегда оставался порядочным, честным, заботливым человеком. Именно он помог женщине в трудную минуту, и она об этом помнит всю жизнь.

А жизнь у будущего писателя была очень трудна. Когда у ребенка умерла мать, он оказался никому не нужен. Матери ему не заменили ни первая, ни вторая мачеха.

У племени эрзя с язычества детям плакать на людях не позволялось. Ваня уходил подальше от дома, ложился на землю и давал волю своим чувствам. Однажды он пришел к железнодорожному полотну, по которому в далекий среднеазиатский город, где жила зовущая к себе родня, ехал поезд. В кровь разбивая колени о железное брюхо вагона, он вцепился в поручни подножки и уехал, чтоб никогда не вернуться.

Скитания, поездные странствия привели его в бродячую цирковую труппу. Затем попал в торговый флот. До войны работал юнгой, потом матросом. Воевал, много раз попадал в госпитали с ранами, последний раз — в Сибири.

Там было время читать книги, осмыслить богатую на подвиги и приключения жизнь и обнаружить в себе тягу к сочинительству.

Открыл литератора Панькина руководитель Новосибирского литобъединения Николай Яновский. Поставил же его на писательскую стезю уже в Литературном институте профессор Сидельников. С уважением вспоминал Иван Панькин и много сделавшего для него на Высших литературных курсах писателя Бориса Бедного. Повезло Ивану Федоровичу также с властителями дум, молодыми В. Астафьевым, Е. Носовым, Б. Можаяевым, С. Викуловым, А. Знаменским.

Но впереди была неизвестность, поиски себя, которые проходили мучительно. Судьба привела его в город оружейников и мастеров, чтобы здесь встретиться со своим главным литературным героем, языкатым мастером Тычкой, чей художественный образ станет одним из символов Тулы.

К счастливой встрече с ним автор шел через «Сказки Таласской долины», «Матросские сказки», «Цирковые рассказы», «Легенды о матерях» и многое другое, талантливое, но не ставшее его главным произведением в жизни, не сделавшее имя автору.

Творчество — это самопознание. Эту банальную, но верную мысль Иван Панькин познал на себе. Несуетный, замкнутый, он не только критично оценивал себя и свое творчество, но порой и низвергал устоявшееся в обществе мнение о литературе и писателях:

«Стимул творчества — собственное несовершенство. Детский писатель? Нет детских писателей, как и детской литературы. Есть литература для детей. В силовое поле таланта притягиваются и взрослые, и дети. Классики советской детской литературы увели ее от истории, народности, фольклора, ее истоков — сказки. Все эти Мойдодыры, Мистеры-Твистеры, Крокодилы, Незнайки принесли детям больше вреда, чем пользы. На старых писателей не надо тратить пороха похвал. Пусть перепадает больше молодым. Выразительности, краткости надо учиться у эпитафий на надгробных камнях. Пустословие на камне не выбивается.

Я много работал в издательстве, учил писать других, не умея этого сам. Но, правда, уже тогда понимал, что шергинские «Сказки о Шише» — это золото высочайшей пробы.

Порок всех пороков — жадность души и тела. Культ личности? Я не пострадал от него. Для этого был слишком незначительной личностью. Даже в компартию не вступил, считая себя недостойным. Наивен был, как пуп».

И не случайно, что в Тульской писательской организации многие считали, что Панькин, его главный труд были еще не оценены по достоинству современниками.

А, между тем, среди произведений Ивана Панькина образ мастера Тычки стал именно той алмазной гранью, которая оценивает все творчество писателя. При этом автор, как сказочный писатель, внес свою лепту в

развитие этого жанра. Мастер Тычка близок не только к сказочным героям, но и к народным, он их олицетворение. Тычка в близком родстве с народной мечтой о счастье. Главное, что определяет вечную современность легенд о мастере Тычке — это их одухотворенное, поэтическое, возвышенное отношение к труду. Их истоки в родословной тульского металла, тульских ремесел, в их неумирающих традициях.

Это — сказ о судьбе российского города оружейников, выстроенный в лаконичной, народной, пересыпанной каламбурами, прибаутками, пословицами, присловьями, поговорками книге. И все разговоры о «подражательстве» лесковскому «Левше» сразу становятся несостоятельными.

Николай Лесков в сказе о тульском косом Левше и о стальной блохе для сатирической окраски исторического фона использовал лексику чиновного слога, его высокий штиль, архаическую патетику:

«Приезжают в пребольшое здание,— пишет Н. Лесков,— подъезд неописанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные огромные бюстры, и посредине под валдахином стоит Абалон Полведерский...»

У Ивана Панькина стиль повести мягче и спокойнее. Однако, при всей своей художественной разнице, есть главное, что объединяет героев двух произведений: Левша и Тычка — один собирательный образ, единого духа созидатели, большие мастера. Более того, существует литературное мнение, что Тычка, по легендам, учитель Левши.

«У Тычки учился мужичок-чудачок с косинкой-хитринкой на левый глаз,— пишет в своем произведении И. Паникин.— Он и молоток держал в левой руке. На заводе его так и прозвали Левшой».

Важно, что в обоих произведениях, прославляющих образ тульского мастера-оружейника, главное — это борьба добра со злом и создание образа истинного русского патриота.

Конечно, как настоящий патриот Тулы, Иван Панькин не мог не признать, что главный из них все-таки прославленный тульский мастер Тычка:

«После Петра, какие бы цари ни садились на российский престол, каждый из них, прежде всего, старался Тычку запрятать в Сибирь. По триста Тычек ссылали туда, но только настоящий всегда оставался в Туле».

Бескорыстие и прямодушие мастера Тычки, его великолепный, искрометный язык, который и сейчас звучит в городе оружейников, подкупают читателя, делают этот образ туляка живым, неподражаемым и важным в нашей жизни.

Тульский Тычка может победить любого врага, как и положено жителю Тулы, на территорию которой никто из нападавших не смог ни разу ступить своей поганой ногой:

«Много раз мастера Тычку заставляли прощаться с жизнью. Во время второй мировой войны, когда фашисты схватили его на окраине Тулы, спросили:

— Кто ты?

— Оружейник,— ответил мастер Тычка.

— Становись тогда к стене!

— А руки? — спросил он.

— Что руки?

— Руки-то останутся живыми.

— Как живыми?

— Я их передал своим ученикам».

Вот так наш Тычка доказал особую статью и умение туляков нести сквозь века свой талант, передавать его новым мастерам-оружейникам, которыми во все времена был и остается поныне славен град Тула.

И не случайно, что такой корифей русской словесности, как писатель Виктор Астафьев, сказал: «Тычка» во всех отношениях не уступает «Левше». Кроме всего, Тычка — наш современник».

«Легенда о мастере Тычке» — это летопись не только оружейных традиций, но и гимн наследуемому мастерству туляков-мастеров на все руки. Обаятельный литературный герой «Легенд» Тычка — именно такой мастер на все руки, который навсегда стал одним из символов современной Тулы. И за это благодарные туляки навсегда запомнят имя писателя Ивана Федоровича Панькина.

